

А. Н. Рассыхаев (*Сыктывкар*)

“Заумная” лексика коми считалок

Ощутимую часть словарного состава коми считалок составляет лексика, называемая заумью. Эти слова не имеют лексического значения, не входят ни в одну из частей речи и не являются членами предложения. Исследователь русского детского фольклора Г. С. Виноградов назвал их “словообразными сочетаниями звуков” [Виноградов 1998: 229]. Учеными высказаны различные предположения по поводу возникновения в считалках зауми, охватывающей неодинаковые по происхождению явления. Так, В. П. Аникин наличие в текстах считалок обилия зауми связывает с тайной речью древних охотников, использовавших ее для сокрытия своих приготовлений от животных и птиц [Аникин 1957: 112–117]. Значения бытовавших в определенной охотничьей группе подставных слов были забыты, а сами слова продолжили свою жизнь в детских считалках. Позднее “искаженные слова стали придумываться по созвучию со старыми, без всякой связи с условной иносказательной речью древности” [Аникин 1957: 116]. Мысль о том, что некогда существовавшая иносказательная речь может быть одним из источников появления заумных слов, поддержана рядом исследователей [Рочев 1972: 150–151; Чередникова 1996: 14].

Исследователями одновременно предложены и некоторые другие возможные пути происхождения зауми. Одна из них связана непосредственно с самими детьми, творящими заумь в процессе своеобразного осмысления разговора взрослых. Ребенок, “не зная слов, заполняет “пустоты” странными, часто причудливыми наборами звуков... Ритмы, музыка и, видимо, образы рождаются раньше слов. Слова отстают, пустоты заполняются звуками...” [Виноградов 1998: 227–228]. Слыша речь взрослых, из которой значения многих слов для детей непонятны, ребята рассказывают об этих необычных вещах необычным языком, ибо все это нельзя изобразить простыми словами. Возможно, что в результате такого осмысления и происходит трансформация слов со значениями в заумь. Таким образом, заумь в некоторых случаях является всего лишь не узнанными словами родного языка. Г. С. Виноградов не отказывает зауми в содержании, но она, по его мнению, известна только детям и не доступна восприятию взрослого.

М. П. Чередникова проблему возникновения зауми также связывает с детским языковым творчеством. Считая происхождение заумной лексики из тайной речи только одним из путей их появления, исследователь высказывает мнение о связи зауми с “семантически значимыми словами автономной речи”. По ее мнению, зародившиеся в детском мышлении ритмические заумные звукосочетания, утрачивая логический смысл, не превращаются в бессмыслицу, а “становятся выражением определенного эмоционального содержания, заразительного и понятного детям” [Чередникова 1996: 17].

Некоторые непонятные на первый взгляд слова не являются “заумью” в собственном смысле этого слова, т. к. их семантика проявляется при проведении сравнительных сопоставительных и текстологических разысканий.

Основные способы образования “словообразовательных сочетаний звуков” можно проследить. Во-первых, это рифмующиеся двойники слов, которые имеют значение. При добавлении вторая часть сочетается с первой по определенным закономерностям:

1) Добавление одного или нескольких звуков к началу парного слова: *атэ-катэ*, *отик-мотик* ‘один-мотик’, *окмыс-промыс* ‘девять-промысел’, *Одя-пдя* ‘Авдотья-Пдя’, *шугу-ругу*. Такое явление чаще наблюдается в словах, начинающихся с гласных.

2) Самым распространенным способом становится замена начального согласного или слога: *кык-мык* ‘два-елец’, *куим-нюим* ‘три-нюим’, *нэль-моль* ‘четыре-бусинка’, *вит-нит* ‘пять-нит’, *сизим-низим* ‘семь-низим’, *дас-пас* ‘десять-знак’, *отик-шытик* ‘один-шытик’, *солом-волом*,

пера-нара, нинтан-вартан ‘нинтан-ударись’, *рие-рае, сѳтчѳр-пѳтчѳр, чикили-викили, атам-батам, конарья-напарья* ‘конарья-бурав’ и т. д.

3) Значительно реже встречается образование заумного слова путем отсечения начальной согласной или гласной буквы: *сивѳ-ивѳ, слу-го-луго*.

Во-вторых, заумью зачастую могут стать “не узнанные слова родного языка”, переименованные детьми. Вместе с тем, трудно достоверно утверждать, является ли слово (со значением оно или без значения), занимающее определенное ритмическое положение в считалке, тем материалом, от которого началось его истолкование, или это уже результат определенной умственной деятельности детей. Иными словами, в большинстве случаев невозможно установить то слово, некогда лежавшее в основе какой-либо зауми.

Так, в одной из коми считалок (*Гѳрд му Гѳрд капуста Кань шувѳ Тшолк* ‘Красная земля Красная капуста Кошка говорит Тшолк’) встречается словосочетание *кань шувѳ* ‘кошка говорит’, которое детьми в разных вариантах произносится как *конашую* или *Конэ шувѳ* ‘Константин говорит’. С другой стороны, нельзя также исключать, что словосочетание *кань шувѳ* само не является результатом осмысления.

Причиной появления зауми в считалках являются также слова иноязычного происхождения, семантика которых утратилась в процессе заимствования, а его звуковая оболочка получила фонетическое оформление средствами заимствующего языка.

Судя по публикациям отечественных исследователей, русские считалки насыщены заумными словами, фонетический облик которых напоминает лексику грузинского, еврейского, корейского, латинского, немецкого, польского, татарского, французского и старославянского языков [Виноградов 1998; Капица 1928; Топорков 1998]. Многие из этих искаженных слов вместе со считалками проникли в игровую традицию коми и составили группу специфической лексики. Заимствование детских произведений не было подчинено слепому копированию. Как заумные, так и сюжетные русские считалки были своеобразно осмыслены. Результатом этого стали тексты со смешанной коми-русской лексикой или с совершенно бессмысленными словообразными сочетаниями звуков. Из-за того, что неграмотное коми население прошлых веков не владело русским языком в полной мере, то в их речи не были соблюдены согласование и управление падежами. В процессе многочисленных трансформаций, произошедших при устном усвоении, текст окончательно удалялся от первоначального источника. В конечном счете, зафиксированные тексты могут только отдаленно напоминать лежавшие в их

основе считалки, которые, возможно, некогда имели сюжет или слова со значениями. В дальнейшем в “гибридных” считалках начинается осмысление непонятных слов. Тем не менее, полной семантизации лексики произведения, появления связного сюжета не происходит. Такие коми считалки состоят из множества разных по происхождению слов, фраз и словосочетаний, часто не соединенных единым сюжетом и логикой.

В некоторых случаях можно сузить процент собственно заумной лексики, выявив источник, от которого произошло слово, не содержащее значения. Основным источником для считалок коми здесь является русский фольклор.

Так, например, в коми считалки из русских произведений проникла лексика, в которой, по словам Г. С. Виноградова, “можно усматривать влияние словаря картежников” [Виноградов 1998: 223]. Исследователь выводит распространенные в русских считалках слова *дуба*, *крест*, обозначающих масти карт, из лексики картежников *буби*, *крести*. В детском языке эти слова приобрели функцию заместителей числительных *девять*, *десять*. Г. Н. Потанин рассматривает слово *крест* как обозначение в форме креста, применяемое при употреблении бирок, в котором заключена цифра 10 [Виноградов 1998: 223; Потанин 1899: 230]. Из лексики картежников перешли в детский обиход также такие слова как *пика*, *лопата*, которые позднее в языке детей осмыслились как предметы хозяйственного инвентаря. Указанные выше слова в коми считалках получили такие звуковые оформления как *пика-пока*; *буду*, *крест*; *дуба*, *крест*; *тугой гез*; *дугой крест*; *дубо*, *крес*; *дубу*, *крес*; *дуб*, *крес* и другие схожие созвучия.

От русских в коми традицию попали считалки, в которых часто встречается иностранная лексика. Упоминаемые в коми текстах слова *плутей*, *платей* (варианты: *пъятё*; *пъятан*, *ладан*) есть не что иное, как искаженные из чешской считалки числительные *rade’*, *la’de’*, которым в русских текстах соответствуют *пяда*, *лада* (варианты: *пядун*, *ладун* и др.), являющиеся “словами-заместителями” числительных *пять*, *шесть*. Другой текст коми считалки в структурном отношении близок к русским произведениям:

*Анка-дранка, друер дру,
Фиер-фаер, фуер фу,
Ан дран, ни сестра,
Удалые удака,
Анти менэ, наводи тебе!*

[Рочев 1994: 97]

В комментариях к текстам аналогичных русских считалок Г. С. Виноградов [1998: № 173а-г] приводит записанный В. Андерсоном в Латвии текст, о котором упоминает Д. Мейер. Последний пишет, что эта считалка пришла в Балтику из Германии, где распространена среди немцев, латышей и эстонцев [Виноградов 1998: 377] и включает слова немецкого языка. В другой коми считалке зафиксированы числительные немецкого языка от одного до трех:

*Õти, кык, куим,
Мыйке менчум гуин,
Айн, цвай, драй,
Модасы же бõр и вай.*

Раз, два, три,
Что-то ты у меня украл,
Раз, два, три,
Утром обратно же принеси

(Ижма)

У коми записаны многочисленные варианты игровых прелюдий, которые текстуально совпадают с русскими. Об одной из них упоминала О. И. Капица. Зачин этой считалки начинается со слов *Атум-батум, чумба чум*. Судя по детским воспоминаниям исследовательницы, такая считалка является грузинской, а значит, и включает слова грузинского языка [Капица 1928: 126].

Влияние “школьного и университетского обучения латыни”, восприятие на слух католической службы [Топорков 1998: 582] обусловило появление в игровых прелюдиях многих европейских народов, в т. ч. и русского, латинских слов. Через русскую культуру коми также обогатили свой репертуар считалками, в которых обнаруживается сакральная латинская лексика, получившая народно-этимологическое осмысление: вместо *dominus* – *дай, мана; дõмõма* ‘заштопано’, *шуманэ*; вместо *grammatici* – *драматики, грамотики* и т. д.

Значения некоторых непонятных слов в коми считалках можно восстановить, ориентируясь на аналогичные по структуре русские игровые прелюдии. Строка из русской считалки “Сахар-махар, помидор” [Виноградов 1998: № 332] в текстах коми превращается в неосмысленное словосочетание и пополняет фонд зауми: *шапер-мапер, пома дер; сатар-матар, деверлõн круг*.

Строки из популярной у русских детей считалки, начинающейся со слов *первеньчики-другеньчики* (и другие варианты), при устном заимствовании в детском фольклоре коми подверглись осмыслению, в результате которого близкие по звучанию строки потеряли логическую связь из-за появления зауми. Строки из русских текстов *по настам, по устам, по насту, крыластый, по кусту, по мосту* представлены в коми считалках как *покосты-поносты; по настую песьтень; попыстõм, настõм* и

др.; строка *свистель-коростель* как *кисьтель-мисьтель* и др.; строка *на солово, на олово* – *на солом, на волом*; строка *шальчик-мальчик* – *шьльчик-быльчик*. Строка, звучащая в русской считалке как *по божью росу, по поповой полосе* в результате трансформации приобрела такие формы: *нашу божу волю, русю попо ласей* или *божья поповна*.

Таким образом, можно говорить, что заимствованная и искаженная русская лексика составляет весомую часть словарного состава заумных коми считалок.

Ю. Г. Рочев в диссертационной работе, посвященной детскому фольклору коми, отмечает наличие в коми считалках слов хантыйского и ненецкого языков. Рассматриваемая им считалка, записанная на Средней Вычегде, включает слово *саа*, которое исследователь выводит из ненецкого *са* ‘постромка’ [Рочев 1972: 144]. Такое наблюдение не очень убедительно. Во-первых, исторические данные говорят о том, что контактов коми с ненцами в бассейне Средней Вычегды не было. Упомянутая территория, а это бассейн Вычегды выше устья Сысолы, в коми фольклористике принятой обозначать как Верхняя Вычегда, а не Средняя, служила охотничьим угодьем печорских манси, которые, начиная с XV в., постепенно были вытеснены коми населением [Жеребцов 1982: 75–76]. Взаимоотношения же ненцев с коми начинают проследиваться лишь с середины XV в. и только на Нижней Печоре, а сближение с коми ижемцами особенно усилилось с середины XVII в. [Жеребцов 1982: 158, 162]. Поэтому даже предположительно нельзя говорить о том, что ненецкое слово может остаться в той коми считалке и в той местности, о которой говорит Ю. Г. Рочев. Во-вторых, *саа* можно рассматривать как результат долгого осмысления, как заумное слово, и по этой причине ничем не связанным с ненецким *са*.

Встречающееся в ижемской считалке слово *мана* Ю. Г. Рочев сравнивает с хантыйским словом в форме повелительного наклонения в значении ‘иди, уходи’ [Рочев 1972: 144], что вполне возможно, т. к. ижемские коми и ханты в районе оленеводческих пастбищ находились в довольно тесных взаимоотношениях. Однако вызывает сомнение другое предположение исследователя. Он сближает зачин популярной считалки коми “Атö-катö” с хантыйским счетом: *Атэ, катэ, көрми нёле...* (Ижма) от *ит, кат, хулым, нель* ‘один, два, три, четыре’. В игровой традиции коми считалки с подобным зачином встречаются не только в ижемской традиции, но и в бассейне р. Вычегда. Если появление в ижемской считалке хантыйского счета объясняется влиянием соседнего народа, то данное утверждение нельзя применить, говоря о таком же зачине верхневычегодских считалок. Ко всему этому надо добавить, что

аналогичная считалка с несколько другим зачином, более близким по написанию к хантыйским словам, чем прежняя, которую Ю. Г. Рочев привел в качестве примера, также бытует у коми. И известна она только на небольшой территории верхней Вычегды (с. Большелуг, Нившера, Небдино Корткеросского р-на): *Итэ-катэ, кирме лёле...*

Нельзя при этом не учитывать и то, что хантыйский и коми языки происходят из одной финно-угорской родственной группы (ср. хант. *мана* 'иди, уходи', к. *мун* 'тж'). Таким образом, в считалке отражено не хантыйское слово, а праформа финно-угорского периода. Близость форм числительных хантыйского языка от одного до четырех и зачина коми считалки объясняется родственностью языков, имевших в финно-угорский период одинаковую праформу.

Механическое заимствование чужого слова и потеря первоначального смысла ведет в дальнейшем к асемантизации и появлению словообразных сочетаний звуков. В соответствии с бытовавшими образцами рождается остальная заумная лексика. Какими бы ни были генетические истоки заумных слов в считалках, частично этот лексический пласт этимологизируется при проведении сопоставительного и сравнительного анализа текстов считалок с близкими по структуре текстами соседних народов. Появление заумной лексики в коми считалках чаще всего обусловлено произведениями русского фольклора.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра уральского отделения российской академии наук.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин В. П. Детский фольклор // Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 87–125.

Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии // Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1998. С. 141–390.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX века. М., 1982. 224 с.

Капица О. И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собираение. Обзор материала. Л., 1928. 222 с.

Потанин Г. Н. Этнографические заметки // Живая старина. 1899. Вып. II.

Рочев Ю. Г. Детский фольклор коми: Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1972 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.2. Оп. 5. Д. 129. 181 л.

Челядь сыланкывъяс да мойдкывъяс (Детские песни и сказки) / Сост., вступ. ст. Ю. Г. Рочева. Сыктывкар, 1994. 104 с.

Топорков А. Л. Заумь в детской поэзии // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 578–604.

Чередникова М. П. Смысл и бессмыслица считалок (к проблеме поэтики) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. XXIX. С. 14–31.